

Иверская заступница

(Московские иконы Богоматери Иверской)

Эвелина Гусева

Святая икона, особенно икона Пресвятой Богородицы, всегда была любима русским народом, и, настолько мы себя как народ помним, с нами всегда был образ Пречистой и Преподобной.

О.Александр Киселев. Чудотворные иконы Божией Матери в русской истории. М., 1992

«— ...Суббота у нас завтра... Иверскую, Царицу Небесную Принимаем. Когда назначено?..»

— Монах сказывал — ожидайте Царицу Небесную в четыре... а то в пять, на зорьке. Как, говорит, управимся.

У Иверской
Старая открытка

— Двор прибрать, безобразия чтобы не было...

— От прихода (Казанской Божией Матери на Якиманке. — Э. Г.) для встречи Спаситель будет с Николай-Угодником...

— Которые понесут — поддевки чтобы почише и с лица поприглядней.

— Есть молодчики, и не табашники... Да наберем-с, на полсотню хоть образов найдем. Нищим по грошику? Хорошо-с. Многие приходят из уважения. Песочком посорим, можжевельничкой, травки новой в Нескушном подкосим, под Владычицу-то подкинуть...

...Двор и узнать нельзя... Прибраны ящики и бочки в углах двора... отгребли мусорные кучи и посыпали красным песком — под елочку... перетаскали высокие штабеля досок, заслонявшие зазеленевший садик, и на месте их, под развесистыми березами, сколотили высокий помост с порогом. Новым кажется мне наш двор — светлым, розовым от песку, веселым. Я рад, что Царице Небесной будет у нас приятно... что у нас стало чисто и красиво и что для Нее все это. И все так думают.

...Приходят с других дворов, дивятся: «Ка-кой парад!»

Ступени высокого помоста накрыты красным сукном — с «ердани», и даже легкую сень навесили, где будет стоять Она: воздушный, сквозной шатер, из тонкого воскового теса, струганного двойным рубанком, — как кружево! Легкий сосновый крестик, будто из розового воска, сделан самим Андрюшкой, и его же резба навесок — звездочками и крестиками — и точеные столбшки из реек, — загляденье. И даже «сияние» от креста, из тонких и острых стрелок, — совсем живое!

...Чуть светает, я выхожу во двор. Свежо. Над «часовенкой» — смутные еще березы, с черными листочками — сердечками, и что-то таинственное во всем. Пахнет еловым деревом по росе и еще чем-то сладким: кажется, зацветают яблони... Черный воз можжевельника кажется мне мохнатою горою, от которой свяшенно пахнет. Пахнет и первой травкой, принесенной в корзинах и ожидающей. Темный, таинственный тихий сад —

словно все ждет чего-то. Даже немножко страшно: сейчас привезут Владычицу.

Светлеет быстро... Которые понесут – готовы. Стоят в сторонке, праздничные, в поддевах, шеи замотаны платочком, сапоги вычернены ваксой, длинные полотенца через плечо. Кажутся и они священными...

– Ты, Сеня, как фонарик принял, изди себе – не оглядывайся. Мы с хозяином из кареты примем, а Авдей с Рязанцем подхватят с того краю. А которые под Ее поползут, не шибко вались на дружку, а чередом!

...Стерегут на крышах, откуда до рынка видно... Несут Спасителя и Николу Угодника от Казанской, с хоругвями, ставят на накрытые простынями стулья – встречать Владычицу. С крыши кричат: «Едет!»

– Матушка Иверская... Царица Небесная!..

Горкин машет пучком свечей: расступись, дорогу! Раскатывается холстинная «дорожка», сыплется из корзин трава.

– Ма-гушка... Царица Небесная... Иверская Заступница...

Видно передовую пару шестерки, покойной рысью, с выносным на левой... голубую широкую карету. Из дверцы глядит голова монаха. Выносной забирает круто на тротуар, с запяток спрыгивает какой-то высокий с ящиком и открывает дверцу. В глубине смутно золотится. Цепляя малиновой епитрахилью с золотом, вылезает, не торопясь, широкий иеромонах, следует вперевалочку. Служка за ним начинает читать молитвы. Под самую карету катится белая «дорожка».

...Пресвятая Богородице... спаси на-ас...

Отец и Василь Василич, часто крестясь, берут на себя тяжелый кивот с Владычицей. Скользят в золотые скобы полотенца, подхватывают с другого краю – и, плавно колыхаясь, грядет Царица Небесная надо всем народом. Валяются, как трава, и Она тихо идет над всеми. И надо мной проходит – и я замираю в трепете... и вот уже Она восходит по ступеням, и лик Ее обращен к народу, и вся Она блистает, розово озаренная ранним весенним солнцем.

...Спаа-си от бед... рабы твоя, Богородице...

Под легкой, будто воздушной, сенью из претворенного в воздух дерева, блистающая в огнях и солнце, словно в текучем золоте, в короне из алмазов и жемчугов, склоненная скорбно над Младенцем, Царица Небесная – над всеми. Под ней пылают пуки свечей, голубоватыми облачками клубится ладан, и кажется мне, что Она вся – на воздухе. Никнут над Ней березы золотыми сердечками, голубое за ними небо.

...К Тебе прибегаем... яко к Нерушимой Стене и предста-тельствую-у...

Вся Она – свет, и все изменилось с Нею

и стало храмом. Темное – головы и спины, множество рук молящих, весь забитый народом двор... – все под Ней. Она – Царица Небесная. Она – над всеми... Она, Благодатная, милостиво на все взирает.

...Призри благосе-рдием, всепетая Богородице...

У меня горячо на сердце: над всеми прошла Она, и все мы теперь – под Нею.

...Пресвятая Богородице... спаси на-ас!..

Пылают пуки свечей, густо клубится ладан, звенят кадила, дрожит синеватый воздух, и чудится мне в блистанье, что Она начинает возноситься. Брызгает серебро на все: кропят и березы, и сараи, и солнце в небе, и кур с петухом на штабели... а Она все возносится, вся – в сиянье.

– Берись... – слышен шепот Василь Василича.

Она наклоняется к народу... Она идет. Валяются под Нее травой, и тихо обходит Она весь двор, все его закоулки и уголки, все переходы и навесы, лесные склады... Идет к конюшням... Старый Антипушка, похожий на святого, падает перед Ней в дверях. За решетками денников постукивают копыта, смотрят из темноты пугливо лошади, поблескивая глазом. Ее продвигают краем. Она вошла. Ей поклонились лошади, и Она освятила их. Она же над всем Царица, Она – Небесная.

– Коровку-то покропите... посуньте Заступницу-то к коровке! – просит, прижав к подбородку руки, старая Марьюшка-кухарка.

– Надо уважить, для молочка...

Вдвигают кивот до половины, держат. Коровы склонили голову.

Несут по рабочим спальням. Для легкого воздуха накурено можжухой. Спаситель и Николай Угодник провожают. Вносят и в наши комнаты, выносят во двор и снова возносят на подмостки. Приходят с улицы – приложиться. Поют народом: «Пресвятая Богородице, спаси на-ас!» Батюшки кушают чай в пародном зале... Василь Василич угощает в конторе «ящичного» и кучера с мальчишкой... Народ стережет священную карету. На ее дверцах написаны царские короны, золотые. Старушки крестятся на Ее карету, на лошадей; кроткие у Ней лошади, совсем святые.

Голубая карета едва видна, а мы еще все стоим, стоим с непокрытыми головами, провожаем...

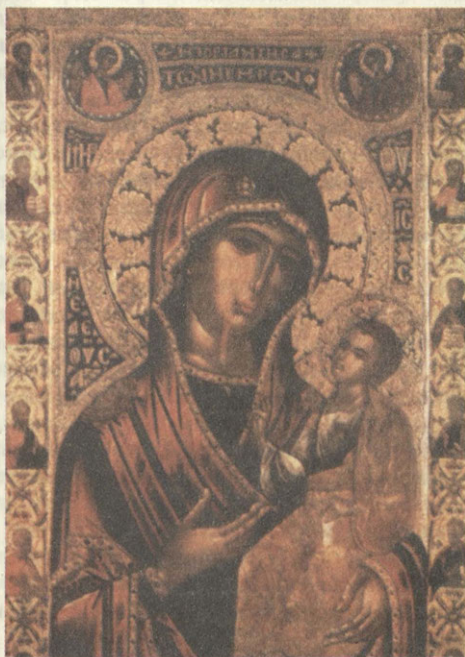
– Помолемшись... – слышатся голоса в народе.

– По гривеннику выдать, чайку попьют, – говорит отец.

Праздник еще не кончился. Через дорогу несут от Ратникова на узких лотках калачики – горячие, огневые, – жгутся. Плывут

Первообраз
Иверской иконы Божьей Матери
XII–XIII вв. Афон

Богоматерь Иверская
1648. Афон
Из музея Новодевичьего монастыря

лотки за лотками на головах, как лодочки. А вот и горячие баранки... Едят на бревнах, идут в трактиры. Толкуются в воротах нищие, поздравляют: «Помолемшись!» Им дают грошки. Понемногу расходятся. Остается пустынный двор, как-то особенно притихший – обмоленный. Жалко расстаться с ним.

Вечер, а все еще пахнет ладаном и чем-то еще... – святым? Кажется мне, что во всех щелях, в дырках между досками, в тихом саду вечернем – держится голубой дымок, стелются петые молитвы, – только не слышно их. Чудится мне, что на всем остался благостный взор Царицы...

В саду, под розоватыми яблоньками, пахнет священно-грустно, здесь еще тихий свет. Должно быть, грустно и Горкину.

– Вот те и отмолились... – говорит он. – Доживем – и еще помолимся...

Меня заливая и радостью, и грустью, хочется мне чудесного, и утреннее поет во мне: ...Пресвятая Богородице... спаси на-ас!..¹

Эти удивительные, благоуханные строки написаны русским писателем Иваном Сергеевичем Шмелевым в горькую пору эмиграции, в те самые трагические годы, когда православная Москва вела скорбный счет утрачиваемым святыням.

В ночь на 29 июля 1929 года Иверская часовня у Воскресенских ворот была уничтожена, а ее знаменитая чудотворная икона Божией Матери сокрыта.

Существует несколько версий, возможно, легендарных, по-разному повествующих о том, где находилась после этого чудотворная икона. Образ Иверской иконы был поставлен в Воскресенской церкви в Сокольниках. Там Иверская икона находится и по сей день, она глубоко почитается и торжественно празднуется.

Между тем хорошо известно, что в Москве было несколько чтимых икон Иверской Богоматери, и в самой Иверской часовне, кроме древнего, «главного» образа, были еще «запасные», исполненные в разное время.

Сведения из многочисленных путеводителей по московской святыне и старине, а также из мемуаров отмечают одну очень важную подробность: Иверская часовня никогда не закрывалась и помолиться у чудотворной иконы можно было в любое время дня и ночи; в часовне, не прерываясь, шла служба. Вместе с тем Иверскую икону часто брали на молебны, возили по домам, а, по некоторым сведениям, она поднималась и в крестные ходы.

Сопоставляя различного рода подробности, как возили икону, как ее вынимали из кареты, как принимали, можно

предположить, что «выездными» бывали разные иконы. В одних случаях – «главная», и тогда на ее место ставилась «запасная», а иногда увозили «запасную».

Поэтому особый интерес представляет история возникновения этих «списков» (копий-повторений) и их соотношение с первообразом.

На Руси издавна знали о древней святыне Афонского Иверского монастыря иконе Богородицы Портайтиссе (Вратарнице). В середине XVII века в Москву привезли первые ее списки. Дошедшее до нас русское «Сказание об иконе Богородицы Иверской» известно в трех редакциях XVI и XVII веков².

Историками церкви особенно ценится третий вариант «Сказания», восходящего к грузинским и греческим текстам. Он широко вошел в обиход уже после основания в 1653 году Никоном Иверского Валдайского монастыря и помещения там в 1656 году списка с афонской чудотворной иконы.

По преданию, лежащему в основе «Сказания», икона Богородицы, впоследствии получившая название Иверской, принадлежала некоей никейской вдове, которая, желая спасти ее от иконоборцев, пустила образ с молитвой по волнам Мраморного моря и он чудесно поплыл, стоя вертикально. Сын вдовы, получив от матери благословение идти на Афон, пробрался туда через Солунь и принял иночество. Он подвизался в тех местах, где в 980 г. была основана Иверская обитель знатными выходцами из Грузии (Иверии).

Видимо, история никейской иконы была уже известна в Иверском монастыре, как и ее примета: рана на лике с запекшейся кровью, след от удара иконоборца. Далее следует чудесное явление образа на море перед обителью, с огненным столпом до неба. Икона не давалась в руки монахам, желающим принять ее и безуспешно плавающим за нею в лодке. Происходит чудо явления Богородицы во сне старцу Гавриилу, строгому аскету и подвижнику, который удостоивается, пойдя по воде, принятия образа в свои руки. Поставленная в алтаре собора, икона несколько раз чудесно меняет место, оказываясь над монастырскими воротами. Вновь явившаяся старцу Гавриилу Божья Матерь объясняет, что икона будет охранять обитель при вратах и чтобы ее оставили на этом месте. Для явленного образа соорудили над вратами церковь и икона получила название Портайтисса (Вратарница)³.

Первый точный список с афонской святыни был привезен в Москву 13 октября 1648 года в царствование Алексея Михайловича и патриарха Никона, который они заказали архимандриту Иверского монастыря на Афоне Пахомию.

В сопровождавшей икону грамоте говорилось, что этот список ничем не отличался от афонского чудотворного образа: ни длиной, ни шириной, ни ликом: «нова аки старая». Заслуживают внимания подробности создания иконы, приведенные в указанной грамоте на имя царя Алексея Михайловича: «Собрав всю свою братию... сотворили великое молебное пение с вечера и до света, и святители воду со святыми мошами, и святою водою обливали чудотворную икону Пресвятой Богородицы старую Портайнтскую, и в великую лохань ту святою воду собрали, и собрав, паки обливали новую доску, что сделали всю от кипарисного древа, и опять собрали святою воду в лохань, и потом служили божественную и святою литургию с великим дерзновением, и после ...дали ту святою воду и святыя мощи иконописцу... чтобы ему, смешав святою воду и святыя мощи с красками, написать святою Икону»⁴.

Присланная с Афона икона была торжественно встречена у Воскресенских ворот Китай-города царем Алексеем Михайловичем, его семейством, патриархом и множеством народа. Эта икона дошла до нашего времени, она находится в собрании музея Новодевичьего монастыря в Москве. Из документов Дворцовых разрядов известно, что этот новообретенный образ, как высокочтимый, уже в 1654 году брали в поход на Вязьму во время польской войны, а проводжали святыню из «соборной церкви (т.е. из Успенского собора Московского Кремля. – Э. Г.) до монастыря Пречистой Донской Государь царь и Великий князь Алексей Михайлович всея Руси да святейший Никон Московский».

Из этих документальных сообщений следует, что первоначально афонский список Иверской иконы стоял в кремлевском Успенском соборе. Позже, согласно сведениям, приведенным у Павла Алеппского⁵, икона находилась в домовый церкви царицы Марии Ильиничны Милославской, а потом была перенесена в Московский Новодевичий монастырь, но когда – в точности неизвестно. Существует мнение, что это произошло при пострижении в монастырь царевны Софии Алексеевны.

Образно-стилистический строй иконы – характерный позднеафонский, с заметным влиянием критской живописи, на что указывал еще Николай Петрович Лихачев⁶. На иконе греческие надписи: Портайтисса тон Иверон – Елеуса (Милующая), как переводили этот эпитет на некоторых русских списках.

Внизу строчная греческая надпись золотом. Перевод: «Писал со тщанием живущий в келиях Иверских Ямвлих, сын Романа. Лета 7156/1648».

По скату нижнего ковчега киноварью: «Старанием и иждивением Пахомия архимандрита Иверского. Лета 1648».

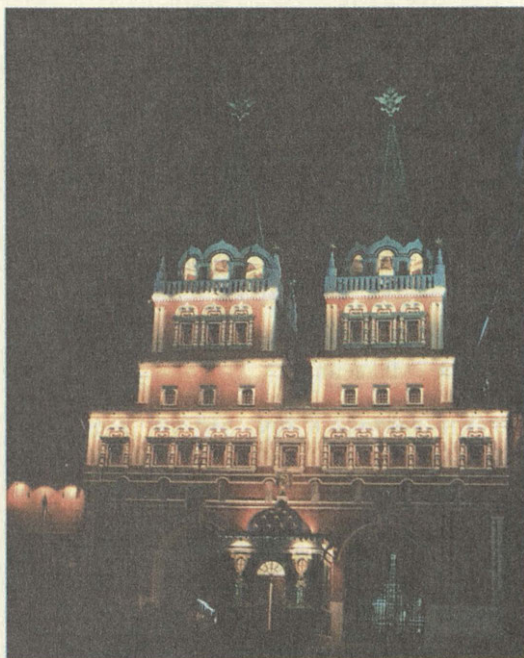
В среднике иконы в верхних углах написаны ангелы в медальонах, а на боковых полях — полуфигуры апостолов с Евангелиями или свитками в руках.

Сопоставляя известное воспроизведение афонской иконы — первообраза — в древнем грузинском чеканном окладе⁷, традиционно оставляющем открытыми только живописные лики, с этим списком работы Ямвлиха, можно заключить, что в нем отсутствует образно-стилистическое, эмоциональное впечатление от выразительнейшего лика древнего письма «с великими очесами», по словам русского паломника В. Григоровича-Барского⁸. Повторение образа ставило целью точно передать иконографию и пропорции чтимой святыни, изображения на фоне и полях и некое общее впечатление от орнаментированной чеканной поверхности вокруг персонажей, искусно переданное в списке для Москвы техникой рельефа по левкасу с последующим золочением.

Однако прославилась как знаменитая чудотворная русская святыня не эта афонская икона — список, а другая Иверская, которую старые исследователи называли Иверской Московской. Она стояла с 1669 г. в устроенной для нее часовне у Воскресенских ворот Китайгородской стены, но когда и кем была написана — сведений не сохранилось. Часовня принадлежала подмосковному Никольскому Перервинскому монастырю. Этот монастырь, как и часовня, находились в ведении московских митрополитов.

Прославление часовенного образа как чудотворного способствовало появлению новых списков, которые создавались московскими знаменитыми царскими изографами.

Одним из таких ранних списков являлась широко почитаемая в Нижнем Новгороде икона, созданная в 1672 г. в Москве знаменитым царским изографом Симоном Ушаковым (сейчас местонахождение неизвестно). По сохранившимся сведениям, она стояла в иконостасе кафедрального Спасо-Преображенского собора. В соборной ризнице до революции сохранялась старинная металлическая планка, когда-то бывшая на иконе, с текстом: «1672 года писал сей образ в Москве государя иконописец Пимен Федоров, по прозванию Симон Ушаков, в Великий Новгород, по обещанию, в соборную церковь благолепного Преображения Господня, при первопрестольном великом господине Филарете, митрополите Новгородском и Алтырском; отпущен сей Образ с ним, великим господином, егда перее иде прияти свой святительский престол».

**И ночью не гаснет
чervenное сердце Иверской**

Следующей вехой в истории создания списков Иверской являются иконы письма Георгия Зиновьева, конца XVII в.

Зиновьев Георгий Терентьев, ученик Симона Ушакова, пожалованный царский изограф с 1670 г. Как один из лучших мастеров Оружейной палаты посылался для иконописных работ в Батурин на Украину (1682), писал иконы для имеретинского князя Арчила (1686), исполнял заказы Константинопольского патриархата (1687). Имел много учеников, в числе их — грек Бургаров Николай Соломонов. В старинной московской церкви Иоанна Предтечи в Староконюшенной слободе находилась подписанная икона Иверской Богоматери Георгия Зиновьева. Существует мнение, что одна из икон Иверской Богоматери письма царских изографов в собрании музея Новодевичьего монастыря является этой иконой из Староконюшенного. С другой стороны, очень похожий образ находится сейчас в собрании Санкт-Петербургского музея истории религии, и, по некоторым мнениям, считается происходящим из той же церкви в Староконюшенном (при формировании коллекции музея в нее вошло много произведений из московских фондов).

В собрании музея Московского Кремля в дворцовой Верхне-Спасской теремной церкви также есть образ Богоматери Иверской письма Георгия Зиновьева 1677 г., т.е. один из ранних в этой серии. Он отличается

от последующих тем, что взгляд Богоматери направлен вверх, очень нетрадиционно для русских икон и более ассоциируется с католическими изображениями. Но по характеру письма и в стилистическом отношении это типично русская икона. Списки-повторения круга Георгия Зиновьева близко передают иконографические особенности, вплоть до деталей, афонской иконы Ямвлиха, следуя и колористическому решению одежд Богоматери и Младенца (ярко-красный мафорий Богоматери, зеленые хитоны, золотой, штрихованный ассистом гиматий Младенца).

Но главная особенность московских списков состоит в том, что это в образно-стилистическом отношении цельные, полнокровные произведения русского иконописания, с их эмоциональной открытостью, национальной созерцательной интонацией и характерной монументальностью. Рядом с ними афонско-критские иконы Иверской Богоматери, безупречные в профессиональном отношении, кажутся отстраненно-холодноватыми, с оттенком некоторой «утомленности» стиля⁹.

На русских списках не изображаются ангелы в медальонах и апостолы на полях. Эта же особенность отличает список Иверской, ныне стоящий в церкви Воскресения в Сокольниках. Сокольническая икона закрыта сплошной ризой, открытые лики – под темной олифой. Обследование живописи не производилось. Но по пропорциям и иконографии, достаточно точно сохраненной в рельефной ризе, и, наконец, по отсутствию изображений на фоне и полях, можно заключить, что образ вписывается в круг произведений Георгия Зиновьева, соответствуя сложившемуся типу «русской Иверской» в конце XVII в.

К этому же типу принадлежит малоизвестная, находящаяся под потемневшей олифой большая икона Иверской Богоматери в соборной Государственной Третьяковской галерее. Она атрибутирована покойной Н. Е. Мневой как произведение мастера Оружейной палаты последней четверти XVII века. Согласно музейной документации, икона поступила в 1933 году, происхождение ее неизвестно. Сопоставление с афонским списком 1648 года показывает четкую иконографическую преемственность в основных элементах, хотя нет изображений ангелов и апостолов. На фоне иконы в кругах и четвероугольниках заключены греческие и русские традиционные надписи. Образ близок подписной иконе Георгия Зиновьева из Новодевичьего музея, предполагаемой Староконоушенной. Образ отмечен особой впечатляющей монументальностью. Тон мафория традиционного приглушенного

вишневого оттенка, в отличие от красного на афонских списках. Чрезвычайно важными особенностями иконы представляются детали, указывающие на характер ее использования как выносной (или «выездной»): по боковым сторонам – металлические ручки-петли, низ окован также металлом, т.е. икона как бы вставлена в невысокий закрепленный футляр.

Вспоминая подробности описания выноса Иверской иконы из кареты, ее «выдвижения», продевания полотенец в петли, можно предположить, что это и есть один из часовенных образов Иверской, специально приспособленный для вывоза на молебны. Это подтверждается еще и тем, что нижняя половина иконной поверхности с большими утратами, особенно на изображениях рук и вокруг них – характерная особенность высокочитимых намоленных образов. Чрезвычайно важным представляется сопоставление этой иконы из Государственной Третьяковской галереи с поздним уменьшенным списком с чудотворной («Главной») иконы Иверской часовни, выполненной в 1898 году известным московским мастером, выходящим из Мстёры, В.П.Гурьяновым.

Этот список хранится в частном собрании в Москве и впервые воспроизведен в книге О. Ю. Тарасова «Икона и благочестие» (М., 1995. Илл. 51).

Иконография и колористическое решение в точности соответствуют иконе XVII века ГТГ, что подтверждается со всей очевидностью: именно с этого образа и создавался гурьяновский список. На уменьшенной копии В.П.Гурьянова это засвидетельствовано замечательной надписью: «Сия Святая икона. В меньшем размере точная копия с Чудотворного образа Иверской Божией Матери, находящаяся в Москве в часовне Ея имени, что у Воскресенских воротъ. Копировалъ Василий Гурьяновъ. 1898 года» Таким образом, чудотворной иконой Иверской часовни можно считать икону, хранящуюся в Государственной Третьяковской галерее.

Видимо, московскими были иконы-списки (сведения есть о двух), стоявших в подмосковном Воскресенском монастыре в Новом Иерусалиме. Предполагается, что это иконы времени патриарха Никона письма царских иконографов XVII века.

Сохранились сведения о церкви Иверской Богоматери на Ордынке и ее иконе. Церковь известна с 1673 года, первоначально была посвящена великомученику Георгию («Георгия на Всполье»), с приделом в честь Иверской иконы. В 1798 году церковь перестраивается, с главным престолом в честь Иверской Богоматери, и приделами Георгия и Иоанна Воина.

По старым московским путеводителям известно, что в церкви стоял широко почитаемый жителями Замоскворечья образ Иверской Богоматери, с надписью: «Истинное изображение и мера чудотворного образа Пресвятой Богородицы Иверския, который обретается в царствующем граде Москве в часовне у Воскресенских ворот. Писана в 1792 г. Ивановского сорока церкви Николая Чудотворца в Кошелях священником Василием Ивановым». Есть упоминание о том, что Иверская икона из этого храма использовалась некоторое время в качестве запасного образа в Иверской часовне.

Сохранились сведения еще об одном образе Иверской Богоматери, также происходящем из часовни¹⁰. Когда в сентябре 1812 г. московская Иверская «главная», как и знаменитая икона Богоматери Владимирской, были вывезены из Москвы сначала во Владимир, а затем в Муром, в часовне был оставлен один из списков, видимо, поздних, с живописным изображением жемчужной ризы чудотворной иконы. Часовня была разграблена французами и, как потом выяснилось, список иконы был увезен «одним из полковников французской армии». Пребывая в неизвестности более ста лет, эта икона была замечена в 1930 г. в витрине антикварного магазина в Париже эмигрантом-москвичом А.Н.Поповым, который узнал изображение короны Богоматери и характерную «жемчужную» ризу, повторенные живописцем на иконе и передающие характер убранства образа к началу XIX в. Икону продавали наследники наполеоновского полковника.

Антиквар запросил большую сумму за образ (25 000 старых франков). Для выкупа были привлечены широкие круги русской эмиграции. Заплатив задаток, икону стали возить по православным храмам в Париже, также и в Ниццу, торопясь со сбором средств. После молебна в соборе Александра Невского митрополит Евлогий в проповеди сказал: «Пусть этот святой образ Владычицы послужит символом единства и откроет нам двери в нашу многострадальную Родину». Епископ Вениамин из церкви «Трех святителей» поручился своей подписью у антиквара; был выплачен увеличенный задаток и начался сбор пожертвований для выкупа.

В январе 1932 г. выкуленная икона была перенесена после молебна в храм «Трех святителей». О ее преемственности по отношению к древнему часовенному образу свидетельствует надпись в правом картуше на фоне: «Написана сия икона с настоящей чудотворной иконы Иверския Божия Матери, что у Воскресенских ворот в Москве»¹¹.

Аналогичная надпись, датированная 1852 г., также в правом картуше, была на

еще одном часовенном списке (местонахождение неизвестно)¹².

В конце XIX в. иконы Богоматери Иверской с изображением жемчужной ризы или короны, украшавшей оклад, широко распространились и стояли во многих московских храмах. Среди них выделяются иконы, написанные русскими мастерами в афонском Пантелеймонове монастыре.

Россия, считающаяся одним из уделов Богоматери, подобно Грузии и Афону, достойно прославила свою Высокую Покровительницу почитанием ее знаменитых икон.

Иконы Богоматери Владимирской, Смоленской, Казанской и многие другие стали общерусскими национальными святынями. В XVII в. к ним присоединилась икона Богоматери Иверской Вратарницы, обрета на Руси вторую родину.

Примечания

¹ Шмелев И. С. Лето Господне // Соч. Т. II. М., 1989. С. 231–240.

² Буланин Д. М. Сказание об иконе Богоматери Иверской: Словарь книжников и книжности Древней Руси; Вып. 2. (Вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л., 1989. С. 362–365.

³ Сказание о чудотворной Иверской иконе Божией Матери., М. 1843. С. 15–22.

⁴ История Российской Иерархии, собранная Арх. Амвросием. Ч. IV. М. 1815., С. 1003.

⁵ Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века; Вып. 4. М., 1898. С. 56.

⁶ Лихачев Н. П. Историческое значение итало-греческой иконописи. Изображение Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых православных русских икон. Спб., 1911. С. 13–16.

⁷ Кондаков Н.П. датировал древнюю икону Иверского монастыря предположительно концом XII – началом XIII в. Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Т. II. Пг., 1915. С. 214–216.

⁸ Пешеходца В. Григоровича-Барского путешествие по святым местам. Спб., 1778. С. 589.

⁹ Кроме иконы Яввлиха, это келейная малая икона царевны Евдокии Алексеевны (Музей «Новодевичий монастырь»), также малая икона из коллекции известного собирателя Е.Е.Егорова (сейчас в Историческом музее в Москве), средник триптиха в Музее Бенаки в Афинах – все XVII в.

¹⁰ Мерзлюкин А.С. История Иверской иконы Пресвятой Богородицы. Париж, 1967.

¹¹ Там же. С. 24, ил. на с. 23.

¹² Там же.